

Разлад

А ночью-то в лесу страшно. То есть в лесу, конечно, всегда страшно, но ночью – особенно. Чёрные столбы стволов, паутины кустов, которые хватают за ноги, цепляются к штанинам, рвут, царапают. Еловые ветви бьют по лицу, земля под ногами чуть шевелится. И холодно. Куда ни глянешь – везде дымчатая чернота от трав поднимается, тропинки давно свились в одну, покрытую влажными кочками. Под каждым листом, кажется, кто-то притаился, настороженно притих до поры до времени. Вдалеке забубнила ночная птица, тяжело закачались ветви над головой, посыпались чёрные иглы.

Они заблудились. Василий Платонович уныло шёл сзади, Игорь Петрович, которого не испугает, с его слов, даже расстрел в сыром подвале кирпичного дома, терял бодрость духа, и только Марьяна Даниловна, не сдаваясь, всё ещё держала надежду впереди, как флаг.

Это она и запутала все тропинки в лесу, увела в чащу, где будто бы грибов – больше чем сухих листьев осенью. Игорь Петрович давно уже подумывал: кто виноват? Да. Кто виноват в том, что он уже второй день не ест, не читает книг и не спит на любимом плюшевом диване, спинка которого обита бархатной, тёмно-коричневой тканью. Ответ Игорь нашёл быстро. Марьяна Даниловна виновата. Конечно, она. В первую очередь. Именно ей как-то вечером второго дня, спущенного без пользы в честь отпуска, стукнула со звоном железной ложки о батарею мысль: «Однако я живу плохо. Другие – лучше. Надо заработать денег». И тут же это открытие развилось в навязчивую идею.

Игорь вновь и вновь вспоминал, как тем же вечером ему в дверь постучалась женщина. Он читал на плюшевом диване брошюрку некоего Хецира «Новейшая философия, или Пинок истории затылком учёного». Все мысли были с претензией на оригинальность, местами глупы, местами скучны. Такое читать приятно. Ловить мысли и не соглашаться. Зевая, думать: «Фу-фу, какой бред».

Но прогремел стук. Пришлось заложить серенькие шершавые странички фантиком от карамельки и идти открывать. Телом он двигался к двери, рукой крутил продолговатое колёсико замка, а мысли остались в книге, купаясь в тёплом сладковатом растворе ультрановых идей. Именно этим обстоятельством Игорь Петрович и объяснял своё неразумие. Он согласился, слишком быстро согласился. Не подумал о возможных последствиях. С кем не бывает. На пороге стояла маленькая, но очень крепкая женщина с решительным лицом: глаза целятся в упор и не мигают, тонкие брови напряжённой пружиной сжаты к носу. Игорь Петрович припоминал: где-то, кажется, видел... ах, да. Соседка. Соседка из квартиры напротив. Пока он вспоминал подробности, она, выставив вперёд ногу, а руки – в бока, докладывала:

– Так и так. Был недавно дождь. В лесу выросли грибы. Нужно их собрать, чтоб не пропали, продать у метро. Она подсчитала – десять вёдер – восемь тысяч двести три рубля.

Игорь Петрович возразил:

– Я занят. Книгу читаю...

Марьяна Даниловна засмеялась.

«Какая книга? О чём он? Да что он, не понимает, что если не заработать сейчас денег, то потом можно остаться без куриной ножки на ужин и без паштета с бубликом на завтрак. И даже без хлеба».

Игорь Петрович усмехнулся:

– Не для него угроза... Инженер получает статично. Не очень много, конечно, но хватит не только на буханку хлеба, но даже и на книжную новинку месяца.

– Какое неразумие! – закатила глаза Марьяна Даниловна. – Денег надо впрок иметь! Вот будет война или кризис какой, цены взлетят. И тогда хорошо вынуть из кармана тыщу, купить на базаре продуктов и положить в кладовке про запас. У всех – голод и смерть. А у вас, к примеру, – пир. На весь мир.

Она что-то ещё говорила, говорила: «Тут и обновку прикупить (обновку или книг, хороших больших книг в красивых глянцевых обложках, – тотчас смекнул он), наконец, просто прогуляться. Разве плохо?» Этим и убедила Игоря Петровича, уговорила его бросить своё бесконечное чтение и на выходных отправиться в лес.

Марьяне Даниловне нельзя поднимать тяжести. Поэтому она и позвала с собой бездельного соседа. Она как сердцем чувствовала, что он бездельный и согласится нести за ней огромную корзину, наполненную килограммами грибов. За это она обещала дать ему часть выручки. Кроме того, где-нибудь в чаще (в самой чаще, куда никто не ходит и где много грибов) может выскочить из кустов какой-нибудь маньяк. Одной ходить опасно.

С собой они ещё позвали друга бывшей жены Игоря Петровича – престарелого Василия Платоновича. Когда-то в молодости Василий Платонович собирал грибы, и считалось, что он сможет различить поганку, если та попадётся на пути.

Утром было весело. Впереди шествовала Марьяна Даниловна. Заприметив хоть что-нибудь, похожее на гриб, плавно наклонялась и срезала ножиком.

– Василий Платонович, поганка? – спрашивала она, полуобернувшись.

– Должно быть, нет, – отвечал Василий Платонович. – Я что-то плохо вижу. Мне в глаз попала ветвь.

Марьяна Даниловна нюхала гриб:

– Да вроде ничего. Ядом не пахнет. А... была не была, сойдёт!

И она бросала гриб в корзину, которую услужливо нёс сбоку Игорь Петрович. За спиной у него покачивался огромный рюкзак с термосом, бутербродами, салатами, кашкой в банке, молоком в бутылке и даже тёплым супчиком в специальной медной кастрюле, крышка которой закрывалась плотно.

Марьяна говорила, что не может ехать на целый день в лес и не обедать. Это очень вредно. И суп надо каждый день есть.

А вот теперь... Теперь они заблудились. Корзина оставлена на какой-то поляне, бутерброды съедены и почти весь чай в термосе выпит.

Пахнет сыростью. Скребуются по щекам ветви. Птица продолжает тянуть унылый погребальный сказ.

– Всё! – вскрикивает Игорь Петрович. – Это конец! Мы пропали! Мы не выйдем отсюда!

Он дёргает по сторонам головой. Но выхода нет. Толпами наступают деревья, всё тоньше тропинка, всё больше трав под ногами, а причитания птицы слышнее и ближе.

– Игорь, – говорит Марьяна. – Успокойся.

Наклонившись, отодвигает ветви. Её лицо хранит мирную задумчивость.

– Всякий лес имеет конец. Рано или поздно мы...

– Нет! Не всякий! Зачем обнадёживаться! Ох, зачем я только сунулся сюда?! Будь проклят тот день, когда я согласился ехать! Погибаем... заживо! О, кто поможет мне?! Второй день...

Игорь Петрович вспоминает рассказы о том, как местные жители уходили в лес – и больше не возвращались. Через год или два какой-нибудь лесник набредал на полуистлевший скелет, прижатый к сосне. Или находил разорванное тело, с торчащими рёбрами, а на рёбрах, как на вилке, – насажены очерневшие куски мяса, а вокруг в землю впечатаны медвежьи следы. Или – ничего не находили. Но и тогда было понятно всё: зашёл на гиблую поляну и утонул в болоте. Царство Небесное.

Игорь Петрович встряхнул плечами. И чего только не расскажут, не напридумывают! Да, вам хорошо плести небылицы, точно кружево, около плиты, в тёплой комнате, а вот попробуйте заблудиться. Да только от одного вспоминания этих баек тошно становится! Марьяна Даниловна...

– Разведём ночью костёр. Воду в термосе будем экономить: глоток в день – и достаточно, – решила Марьяна. Посмотрела вверх, на покрасневшие верхушки сосен, смахнула украдкой слезу и опять улыбалась.

– Василий Платонович, сколько бутербродов у вас осталось? Нужно разделить еду, чтобы не умирать сразу так, но постепенно. И подольше. В день – по кусочку, в день – по глоточку.

Василий Платонович будто не слышал. Он шаркал ногами, обмахивался еловой веткой. Если бы они оглянулись, то испугались бы мертвенности лица Василия Платоновича: застывшего, безучастного. Шёл он с закрытыми глазами. По голосу, наверное.

– Я спрашиваю, – повторила Марьяна, – сколько бутербродов осталось?

– Да не осталось, горе моё, в первый же день – проклятье ему! – сожрали всё до крошки! – Игорь Петрович нервничал. Он думал о том, что женщины оптимистичны до идиотизма. Надо же поверить в то, что если идти всегда прямо, то и выйдешь? А вот и нет! Лес-то вон, всё уплотняется. Да ещё болотом пахнет. Горьковатой сыростью. Так зачем обольщаться?! Он не боялся даже расстрела в подвале кирпичного дома. Но умереть в колючем лесу от голода, – нет, это невозможно глупо.

– Я спрашиваю Василия Платоновича.

Марьяна резко остановилась и повернула голову. Встал шедший за ней Игорь Петрович. Василий Платонович упал. Крошечные просветы неба темнели. Суетились клубы комаров, зудели толпы ночных мошек.

– Эх ты! – Василий Петрович сжал руки.

– Что с вами? – Марьяна нагнулась, повела пальцем по острому плечу Василия Платоновича. Он лежал с закрытыми глазами.

– Просто устал. Все мы устали, – произнесла Марьяна и скомандовала:

– Игорь, расшнуровывай рюкзак. Доставай спички. Переждём, ночь вон, видишь? Вон на том бревне.

Игорь Петрович надрал прутьев от кустов, Марьяна собрала пожелтевшие еловые лапы.

Василий Платонович пошевелил ногой и открыл глаза:

– Крошка, я хочу пить, – сказал он Марьяне.

– Нет, – отрезала она. – Свой глоток вы уже выпили. Хватит. Всем по глотку. Я же сказала.

Василий Платонович, закрыв глаза, притих.

– А вы бы лучше на бревно сели. Так теплее, – советовала Марьяна ему. Точно воздуху советовала: Платонович не откликнулся.

– Я не боюсь даже расстрела в подвале. Или в овраге. Да хоть на самой Красной площади! Но в этом лесу...

– Не нагнетать атмосферу!

Хорошо остаться в памяти своего рода. Далёкой легендой, полурастаявшим словом: имя, фамилия. И прибавка: вот-де жил такой в нашем роду. Его расстреляли при советской власти: он книгу запрещённую читал.

Игорь Петрович читал целых две запрещённых книги: одна – «Ленин как бельмо», другая – «Лузганские семечки: сборник басен про коммунистов». Прятал книги он в матрасе. И доставал их нечасто: раз в году, не более. Да что вспоминать! Игра молодости. Зато слух разошёлся по всему району и даже по ближайшим. Приходил как-то раз мужчина – в квадратных очках и с бородкой. Представился как любитель книг:

– Я слышал, у вас тут книгохранилище? Вы не могли бы мне продать парочку басен?

Игорь Петрович усомнился и тут же решил, что это провокация, а потому закричал:

– Пошли вон! Не магазин тут! Нет ничего! Какие басни?! Нету! – А сердце в тот момент билось сильно. Кажется, даже рубашка шевелилась. «Любитель книг», кланяясь и бесконечно извиняясь, вылетел из подъезда. Игорь Петрович с тех пор ждал расстрела. Сладко жить, когда каждый день кажется последним.

– Бутерброды остались? Я не поняла что-то. – Костёр не горел, и Марьяна мечтала хоть о кусочке хлеба с тонким ломтиком колбасы.

Василий Платонович поднял голову:

– Дай, что скажу... Игорь... – Он тут же подошёл. Василий Платонович уже спал. Рука под головой, ноги согнуты в коленях, рот чуть приоткрыт. Губы потрескались, выглядывал чёрный кончик языка. Неожиданно ресницы дрогнули, глаза раскрылись. Крик Игоря Петровича застрял в горле: вместо белков – розовая пелена, вместо зрачка – тёмно-бордовое выпуклое нагноение.

Он хотел броситься к Марьяне, но Василий Платонович вытянул руку:

– Стой! Я... наткнулся на ветви. Проколот. Игорь, не зови её. Иди в обратную сторону. А туда... туда не надо! Земля шевелится под ногами. В болото попадёшь. В болото.

– Вместе пойдём? – спросил Игорь Петрович.

– Нет сил. Иди сам.

«Блуждания без цели. Мы хотим выйти. Всё равно, куда и к чему. Главное – из лесу. Выйти из темноты. А идём в болото. Тонуть». С такими мыслями Игорь Петрович сел рядом с Марьяной Даниловной. Её свитер облепили головки колючек. Ноги в кроссовках давно промокли. Но она всё ещё не сдавалась.

– Главное – идти вперёд.

Лицо светилось решимостью.

– Нет, не главное, – вдруг возразил он. – Главное – идти правильно. Зачем вперёд? Можно и назад поворотить.

– Игорь, не смей меня.

– Но там ведь болото! Понимаешь? То самое, где тонут. Вон Савва утонул прошлым летом. Дочка Елены погибла...

– Они напролом шли. Мы – по кочкам.

– Ясно же, что не в ту сторону идём. Раз всё тесней деревья.

– Ясно, конечно. – Марьян посмотрела на него с удивлением. – Это бесспорно. Но... Мы всё-таки не повернём назад. Легче болото проскочить и выйти с той стороны леса, чем долго идти назад. И кроме того, идти на попятную – не в моём характере.

Да... Марьяна была смелая и отважная, стойкая и решительная.

– Пройдём, и всё, – сказала она и заснула.

В утренние часы, когда только-только запели птицы, по траве разметалась роса, Игорь Петрович повернул назад. Марьяна ещё спала. По щекам у неё, из-под закрытых век, текли слёзы.

Василий Платонович сидел на корточках, прислонившись к берёзе, правой рукой теребил ствол, поглаживал его, словно ласкал.

Игорь Петрович решил не смотреть в ту сторону: всё равно у друга нет сил дальше жить. Зачем мучить себя воспоминаниями о нём? Лучше хоть одному спастись, чем всем троим погибнуть в чащобе. Марьяна, что с ней сделаешь? Не хочет менять ориентир. Старик – устал идти. Он не может. Спасибо, хоть советом помог.

Игорь Петрович впервые за три дня почувствовал прежнюю уверенность в себе.

– А что? Я и большего не пугался. Запрещённые книги хранил. Подвиг целый.

Проходили деревья, проплывали поляны в землянике.

К вечеру он почувствовал усталость в коленях. Сел на поваленное бурей дерево. Лес хранил молчание. Птицы давно уже не пели. Напряжённо, словно провода с током, затрещали сучья. Заскользили на землю иголки. Очень хотелось есть. Ещё больше – пить. В горле жгло и царапало. Когда-то он в школе бросал яйца в потолок, чтобы они висели около лампы, растеклись бы липкой слизью. Это так смешно! Проверка качества: яйцо не сварено. А теперь бы...

Из-за дерева вышел Василий Платонович. Путь он нащупывал сухой, изрытой трещинами палкой. Он трогал палкой землю и осторожно делал шаг. Палка дрожала от каждого толчка, как дрожит человек в припадке бешенства, казалось, что скоро палка рассыплется в пыль: такая она была старая.

Вот он сел неподалёку на толстый пенёк, на котором росло семейство рыжиков. Прямо на грибы сел, подмял их, раздавил. Лицо безучастно ко всему, глаза крепко сжаты. Игорь Петрович не удивился. И не обрадовался. Сил не было на это. Пусть хоть русалка устроилась бы рядом – выхода нет из чёрного леса.

Желанный выход! Как глоток свежей воды умирающему, как добрый взгляд одинокому. Маячит со всех сторон мечтой. И нет его.

– Ты шёл за мной, да? – хотел спросить Игорь Петрович, но передумал. Молчание легче. Сухой язык слипся с горькими дёснами.

– Да, я пошёл, – сказал Василий Платонович. – Но тут выхода нет.

– Как нет? – подскочил Игорь Петрович. – Вот новость!

Василий Платонович уныло покачивал головой, по лбу ползли морщины, словно он что-то мучительно обдумывал.

– Почему нет? Я говорю, что есть.

– Марьяна утонула, – помолчав, признался он. – Только что утонула. Ступила на кочку – а кочка провалилась.

Воздух сгушался. Закрапал дождь.

– Я знал! Я знал, что так и будет! Она упёртая. Но, Боже, мне её жалко! – Игорь Петрович снял с головы тканевую шапочку и прижал к коричневым высохшим губам.

Словно в утешение старик сказал:

– И для тебя нет выхода из лесу. Ты её бросил. А она боится быть одна. Она ничего не боится, только этого.

«А ты-то? Что ты за мной ходишь?» – собирался спросить Игорь Петрович, но вместо этого сказал:

– Никогда не думал, что доживу до семидесяти, да ещё в лесу заблужусь.

Василий Платонович встал, отряхнул штаны от муравьёв. Чему-то улыбнулся, попытался открыть глаза, но не смог: глаза слиплись от слёз и крови.

– Лес небольшой. От болота выход. И за болотом – тоже. Только не выйдешь ты...

Игорь Петрович вскочил и побежал. Он не знал давно, где начало и где конец. Бежал быстро в другую сторону от Василия.

Кожа на лице ободралась, в глаза тыкались встречные ветви. Он всё бежал.

Стукнулся об осину, упал. Неба за кронами деревьев не было видно. Над головой, на ветке, сидела серая белка. Она чуть наклонилась и робко посматривала на Игоря Петровича. Бусинки глаз не мигали, лапки с расправленными крохотными коготочками сжимали ветку, хвост вился серым облаком. Игорь Петрович улыбнулся белке. Белка подскочила и с лёгкостью, играя, полетела по стволу. Мелькнув, исчезла. Только кусочек коры, отломившись, упал Игорю Петровичу на лоб. Он сел. Обхватил колени руками, стал думать.

Зачем он убежал? Надо было бы спросить Василия Платоновича, куда дальше идти, в какую сторону. И как же теперь быть? Они разошлись. До чего дико это! В беде, говорят, люди соединяются крепкой дружбой, взаимной помощью. Значит, это неправда. Марьяна Даниловна ушла в болото. Её не переубедишь. А куда идти – знает только Василий Платонович. Почему я решил, что знает? Потому что он сам говорит, куда идти, а раз говорит, значит, бесспорно, знает. Не знал бы – молчал.

Ветви лучами расходились от ствола, чем выше – тем тоньше и прозрачнее. Конец лишь угадывался по сероватому затемнению, сквозь который пробивалась полоска света, иголки вокруг золотились теплом. Где-то там, на вершине, сидела белка, под облаками, под вечерним закатным кружением бордовых туч. А внизу было темно, сыро, холодно.

«Почему, если Василий Платонович знает, как выйти, то не может вывести? Ах, да. Он же ослеп».

Пошёл дождь, стало совсем темно. Игорь Петрович полез на осину, тяжело, с хрустом. Он хватался за протянутые колкие ветви, ногами отталкивался от ствола, то зависал между деревом и землёй на одной руке, то прижимался, крепко обнимая, ствол. Мелькнул над головой широкий сук – от соседнего дерева. Игорь Петрович оторвал сначала одну, потом другую руку, сжал тёплую шершавую кору, подтянулся, сел на сук.

От напряжения болели глаза. Дрожали руки и дрожали мысли в голове. Далеко внизу чернела лесная травка. Покачивались кусты, молодые низкие ели застыли недвижно. Верх у них тонкий и острый. Игорь Петрович, прищурившись, посмотрел вдаль.

Макушки деревьев расступались, и там, где-то в стороне заката, вился дымок. Серый, клубистый, единой нитью в небо, – дым.

Баранки к чаю

В гостях

Однажды рай закончится. Мир, где были качели и букет ромашек, сладкий чай, салфетки на столе, вздрогнув, покроется туманом. Сухой и страшной пылью небытия. Разом всё станет очень настоящим и пустым, каким-то бездонным. Только листва, вскипая, будет шуметь на ветру, над разрушенным городом.

Тугие лужи, спокойные и неподвижные, подёрнуты тонкой корочкой льда. Совсем рядом на асфальте – продолговатые щербинки, мелкие углубления тут и там, следы от «града». В этот серый вечер ноября, когда закат уже прорезался над крышами и довлеет теперь, словно чей-то огромный, воспалённый глаз, я захожу в подъезд и нажимаю кнопку звонка. За дверью слышны шаги, лёгкие, прыгающие. Минуты замирают свечкой, тихо тающей в консервной банке на столе. Воск оплывает. Собираясь внизу, капли распускаются тёплыми лепестками. Так стройное некогда мгновение, наполненное смыслом, обретает причудливые очертания смерти, сна, забвения. Я впервые догадываюсь, что минуты и мины имеют общий корень. И то и другое слишком скоротечно, необратимо, здесь и сейчас.

Скрипит замок. Меня встречает светловолосая девочка лет семи, в красном свитере под горло и валенках. Она смотрит серьёзно, совсем по-взрослому, прищулив глаза. Потом улыбается – но как-то странно: одной стороной рта, вторая остаётся неподвижной.

Потом мы проходим в квартиру, в дальние комнаты. В прихожей лежат её игрушки, куклы и плюшевый медведь в цветных шортиках на ляжке. Из многоэтажного дома некуда бежать, поэтому ночью, когда начинается обстрел, жильцы собираются здесь. Стены содрогаются, но всё ещё стоят. А девочка знает страшную тайну: ночью куклы не оживают, как говорила когда-то воспитательница в детском саду. Не просыпаются и не начинают плести друг другу косички, собираясь на бал. Они остаются немыми, никому ненужными. Пустыми оболочками. И дворца нет, и сказочного доброго льва с густой гривой – тоже.

Вероника Васильевна, бабушка девочки, в спортивном костюме и шерстяном платке на голове (из всех углов дует), греет на сковородке макароны и вдруг весело, со смехом, заявляет:

– Ты знаешь? Не верю. Вот ничему не верю. Всё не так! На самом деле... Ведь я была студенткой. Жила в общежитии, пять человек в одной комнате. Пять весёлых девок. Мы книги читали, пели под гитару. Учили немецкий. А ещё к нам приходили друзья из соседнего корпуса. Потом я встретила Пашу. Разное было, плохое, хорошее... А то, что сейчас, – того не было. Такого просто не может быть. Вот поэтому и не было.

Про свободу

– Потому что, когда облака в небе, – сказал Олег, – мне представляется домик. Такой домик среди равнины. Под серым небом. Среди дождя. И дым из трубы идёт, серый завиток. Ничего больше.

Вечером опять случился артобстрел. Олег не спускался, как другие, в подвал. Дел было слишком много! – Водоворот. Под косматым громким небом он суетился во дворе, выкладывал плиточку – от калитки к крыльцу. Потом от крыльца к калиточке самозабвенно крепил. А ночью пил чай с мёдом, довольный и почти счастливый. Шутка ли? Несколько лет собирался двор выложить плиткой. Закупил недорогую кафельную, сгрузил, а после всё откладывал и откладывал «на потом». И вот... почти готово. Собака, укладываясь возле батареи спать, елозила и негромко скулила – и всё это были звуки детства. Мама вновь открывала калитку, а пёс бежал встречать, скрипел под валенками снег, серебристо мерцая на солнце.

Баранки к чаю

Нет ничего хуже ожидания. По данным, поступившим в штаб, штурм объекта – бывшего жилого дома на самом краю города – должен был случиться не сегодня так завтра. Но вот и сегодня уже прошло, и завтра заканчивалось. Бурый выходил на крышу дома, проверял, смотрел. С одной стороны ещё высились обугленные строения города, а с другой – уже начинались поля и село. Блёклый магазинчик у дороги, разбитая витрина закрыта досками. Ровно в пять под козырьком, на входе, загорался тусклый фонарь, и тогда сумерки обретали какое-то предновогоднее, немного сказочное звучание. Снег ещё не выпал, почва была сухой, чёрной, такой же – как многие здания вокруг, стоявшие месяц назад. Тогда всё рвалось и гудело. Пылал недавно отстроенный деревянный храм.

Теперь по вечерам наступала тишина. Минуты стягивались в лунку ожидания, застывая на ходу. Молчание той, другой, стороны давило своей неотмирностью. Жить было душно и скучно, словно в жарком помещении под белой больничной простыней.

Впрочем, предчувствия Бурого разделяли не все. Например, весельчак с позывным Бармоглот (или сокращённо Бар) играл на гитаре и пел про пачку сигарет, а Зеленбуз, уединившись под лестни-

цей, писал какой-то философский трактат. В мирное время, рассказывали, он учился в аспирантуре и даже несколько месяцев жил в Париже, общался с ведущими мыслителями. «Экзистенциализм!» – говорил Зеленбуз, и его бледное лицо озарялось радостью. Бар очень уважал труды Зеленбуза, а потому специально для него играл сентиментальные романсы про любовь. В такие моменты Зеленбуз вспоминал Париж и плакал.

В подразделении был установлен сухой закон, но не только это увеличивало тоску. Бурый рассеянно смотрел в окно, перечёркнутое лентой скотча (казалось, на улице всегда идёт серый дождь), потом включил телевизор. «Ну, сегодня уж точно начнётся... – думал он, – мы отстоим позиции. Дойдём до Киева. Потом. Чуть позже. Может быть, весной». Вспомнились недавние бои, когда сама почва, словно необузданный конь, ходила под ногами. Тогда погиб его близкий товарищ, ополченец Гусько. На родине, под Макеевкой, у сослуживца осталась жена и трое детей. Старшая дочь, Юлия, писала стихи про берёзы и звонкую синюю даль; и читала их на камеру, скромно опустив глаза. Гусько показывал это видео, вновь и вновь крутил на телефоне – Бурому запомнилась худенькая девочка с белой волнистой чёлкой и платье её, чёрное, в блёстках, бархатный воротник, словно крылья бабочки. Ещё за друга отомстить. За всех убитых...

Внизу послышался шорох. Передёрнув затвор автомата, Бурый стремительно спустился на первый этаж. Он появился быстро и бесшумно, как тень. Но всё уже было сделано. Под прицелом нескольких автоматов стоял парень. Какой-то убогий, в модных рваных джинсах и кофте на пуговицах. Крутил кучерявой головой. (Привет, поэт!) На лице несколько ссадин.

– Вот, – сказал Зеленбуз, – ходил тут и всё фотографировал.

– Я его сразу заметил, – продолжил Бар, – но останавливать не стал. Дай, думаю, зайдёт. Посмотрим...

– Я журналист, я просто... – хлюпал носом парень, – фотограф.

– Сдаёшь свой аппарат, – кратко оценил ситуацию Бурый, – обыскали? Железо?

– Шёл мимо, смотрю, дом...

– Только техника. Ещё штатив, пакет флешек. Во дворе долго кружил...

– Ребята, да я за вас! Я свой!

– А может, за «Правый сектор»? Ха!

Из комендатуры уже ехала вызванная машина, и Бурому вновь становилось скучно. Это было не то событие, которое он ждал. Возможно, парень играет. Пришёл, что-то тут вынюхивает. Но, скорее всего, нет – слишком открыто держится. Зашёл через главный подъезд. Много сейчас таких придурков. У всех война, у них – театр. Фотосессия на руинах. Романтика. Как только не подорвался... все улицы раскурочены.

У магазина, в дымных сумерках, уже светился фонарь, бледным размытым пятном, едва заметным.

– Начинается, начинается! – закричал Бар, хлопая дверями. – Через полчаса, есть данные! Быть наготове! Через тридцать минут. Возможно...

– Ну вот, – неожиданно вяло сказал Зеленбуз, – а я голодный. Такое дело, ребята. Все консервы закончились. И хлеба нет...

– Как нет?!

Бурый открыл холодильник и сам удивился: внутри было пусто. Только бутылка кетчупа и несколько сарделек в морозилке. Майонез, какие-то приправы.

– А если осада, тогда что? Долго продержимся?

– Вот что! – Бурый уже застёгивал на ходу куртку: – Смотаюсь. Здесь рядом. Заказы есть? Пожелания?

С южной стороны послышалась серия приглушённых залпов. Погрохотало, и смолкло. В соседний район, видимо, прилетело.

– Баранки. Баранки к чаю, – мечтательно отвечал Зеленбуз.

* * *

«Ситуация так себе, средней критичности, – подумал Бурый, всматриваясь в холодное тёмное небо, – на самом деле, пять минут туда, пять обратно. Управлюсь быстро». Недавняя канонада с южной стороны напрягала не особо сильно: она была далёкой, немного вялой – «на разогрев». В то же время бой мог случиться в любой момент, и Бурый ускорил шаг.

Внизу магазин ощущался совсем не так, как сверху. Он был длинным, грязным, наскоро сколоченным из досок, с рекламными листовками, пришлёпанными около двери. На ступеньках, поджимая лапки, ютилось несколько кошек. А лампочка горела вызывающе остро и беспощадно: она словно бы разрезала реальность своими тонкими лучами, отделяя тёмную сторону от светлой. Сказочный предновогодний мираж рассеялся. Скрипнула дверь, на улицу вышла девушка. Одно мгновение она смотрела на Бурого, потом опустила глаза – и навсегда ушла, исчезла в синей мгле вечернего города. Так и осталась между ними вечная недосказанность. Тающий взгляд, лёгкая походка, чёрный капюшон, тряпичная сумка-авоська в руке. Чувство горечи и Алёны где-то внутри.

Бурый не был женат, но под Воронежем жила его любимая. Тихая, немного иконописная: такие ровные, тонкие черты лица. Волосы разделены на два пробора, тяжёлым песочным потоком спадают на плечи. Но особенно удивительными у неё были глаза, большие, серо-зелёные. И как смотрела она – всегда немного поверх предметов, печально и отрешённо. Алёна уговаривала его не ехать на войну – яростно, до слёз; а провожала на вокзал молча, сжав сухие бескровные губы. Всё отворачивалась и на платформе стояла недолго. Помахала перчаткой и пошла, не оглядываясь. Такой он её запомнил и любил, – ведь настоящему чувству не страшны испытания. Он уже обещал приехать на новогодние праздники и знал, что Алёна ждёт. Каждый день и каждый вечер. Слушает стук поездов, гул ветра, смотрит, как в небе вороны летают. Верит. А в комнате всегда тускло горит настольная лампа, отбрасывая тень.

...Земля сотряслась от далёкого взрыва, возвращая Бурого к реальности. Ночь наступала стремительно. Он поднялся по ступеням и, толкнув хлипкую дверь, оказался в узком помещении, похожем на вагон. Пахло яблоками и квашеной капустой, чем-то ещё, подвальным, скисшим. Теснотой. Вдоль витрины стояла очередь. Что-то привычно обсуждала. Есть ли в таком-то квартале свет? А вот соседка родила. Да-да, вчера. Близняшек. Лизка рассталась с Володей. Слышали? И прочее. «Бла-бла-бла». Кроме бабушек, в очереди томились мужики и совсем молодые парни, – летом Бурый наблюдал с крыши, как они гоняют во дворе футбольный мяч.

– Три, – сказал очередной мужик на кассе, и продавщица тут же сняла с полки три бутылки водки. Весело добавила:

– Граждане, через пять минут будет всё. Соблюдайте регламент!

– Ой, всё! – ахнул кто-то в очереди и засмеялся.

Неожиданно Бурый почувствовал, как его накрывает волна презрения. Пока идёт война, эти красавцы сидят на диване, потягивают пиво, смотрят сериалы, трахаются с женой и любовницей. Следят за новостями. И всё у них в жизни есть. И ничего не надо. Наблюдатели поганые.

– Мужики, – через силу произнёс Бурый, ощущая в этом слове неправду, – пропустите без очереди. А? У нас тут войнушка скоро начнётся... Успеть бы затариться.

– А-а... Ну-у... – замялся какой-то дедок в потёртых трениках и нелепой шапке-ушанке, – дак, ну это, давай, конечно...

– Проходи, родной! – поддержала старушка в чёрном платке, – мы-то всегда успеем...

Бурый оглашал свой нехитрый список (хлеб, макароны, тушёнка...), а спиной так и чувствовал сверлящий взгляд мужиков-приспособленцев. А сколько таких сбежало в Россию! Скорее, по кочкам, пока чего не вышло...

И как хорошо было потом. Ступить из вязкой духоты на улицу, в прохладную темноту, наполненную ветром. Вдохнуть полной грудью. При этом что-то цепляло. Одна навязчивая мысль... бесформенная, липкая, настойчивая, похожая на сжатую пружину.

Потом вдруг сверкнула – одновременно с проехавшей мимо машиной. Всплеск грязи из-под колёс. Баранки! Баранки не купил. Перед глазами возник образ философа, как он утирает бумажной салфеткой слезу – такой беспомощный, смешной, в очках; со своим несчастным Парижем, и при этом – желающим защищать родину, дом. Быть настоящим. Бурый повернул назад.

В этот момент раздался выстрел.

О пользе спирта (разговор в очереди)

У нас-то ладно. А вот соседний городок! Среди полей и обычных частных домов стоит девятиэтажка. Одна-единственная возвышается. По ней – все обстрелы и велись, как по мишени. Жильцы давно разъехались, только одна пожилая женщина с двумя собаками осталась. Никуда уезжать не собиралась.

– Как вы выжили?! – спрашиваю. – Страшные обстрелы! И все по этому дому!

– А я пряталась в канализационном люке. Вместе с собаками. Не пережила бы всё это... Но имелся запас медицинского спирта. Пока сидела, его пила... Собаки жались рядом и выли. Боялись страшно.

– А моя собака не смогла пережить. Она была обучена реагировать на выстрел. Но после серии бомбёжек заболела. С ней случилась эпилепсия. Возил в разные клиники, ветеринары сказали, что ничего сделать не могут – это психологическая у неё проблема. Так и умерла...

– Маркиз тоже не пережил. Как началась война...

– Как вечером загрохотало, решили мы с мужем уехать на машине. А пёс не пускает. Рычит, кидается с порога. Спустя несколько минут во двор прилетает. Там, где стояла машина, – груда металла...

Хватит

Журналистам Олег сказал, что он – за мир во всём мире. Что он устал от войны, а дел столько – просто водоворот. Плитку во дворе недавно выложил. Ещё нужен ремонт террасы закончить, давно собирался. Внутри комнат картины повесить. Какие? Да хоть фотографии терриконов на закате. А какое красивое над Донбассом небо! Такого – нигде нет. А ещё... глаза Олега радостно просияли – недавно он стихи стал писать. Да-да, никогда такого не случалось. А тут, как прошибло. Снизло. Есть про Гиви и Моторолу, про то, как погибает незнакомая девочка с глазами из самого синего льда. На городской улице, под тёмным небом, упав ничком; а Ворошилов по-прежнему правит конём. Ай да Ворошилов! «Ну, он каменный, поэтому... – вздохнув, поясняет Олег, – не меняется». И больше, гораздо сильнее волнуют Олега другие темы – про дом, природу, взаимную любовь. Прощение. И жене такая поэзия очень нравится, она готова слушать его бесконечно. «Я счастлив!» – восклицает Олег, а потом смущённо замолкает, прислушивается к внутреннему голосу.

Выбор

– Мы – за русский мир, – сказал учёный на конференции, – у нас общий язык, общая кровь. Много общего. Одни корни. Нас долго бомбили, мы сидели в подвалах. Нас пытались сравнить с землёй. Что будет завтра, мы не знаем – но одно знаем точно. Русофобской идеологии здесь не будет. Никогда. Каждый из нас сделал свой выбор.

Пещера

Там лампадки мерцают в темноте. – Перед строгими ликами икон в деревянных окладах. Хор поёт печально, монотонно. Отворяются врата, и в центр медленно выходят священнослужители в тёмно-синих облачениях. Маленький мальчик торжественно несёт перед ними высокую пылающую свечу.

Бурый наблюдал зачарованно, – это надо же. Поздний вечер, вот-вот начнётся артобстрел. Те, кто пока ещё жив, – спрятались в подвалы. А здесь, во временном пристанище – бытовке, поставленной на месте сгоревшей церкви, своим чередом неспешно совершается служба. Сквозит из всех углов. Стены сотрясаются. Лампады гаснут, их вновь зажигают. Электричества давно нет. А хор всё поёт, теперь высоко и тонко. Бурый прислушался. Ведь только на одно мгновение, по пути забежал – свечу поставить. Так Алёна просила, когда из госпиталя выписывался и обратно ехал.

* * *

На земле ничего не менялось. По-прежнему царил сумрачный, вечный ноябрь. Небесная твердь была горькой, как полынь, и бесснежной. Только кладбище за городом росло и ширилось, как море в непогоду. Кресты вздымались на холмах.

«Христос рождается...» – разобрал два слова Бурый и очень удивился: до Рождества было ещё слишком далеко, день за днём... А пока ничего не предвещало праздника. Но в тот момент он точно знал: где-то недалеко, в подвале, в тесноте и холоде, уже рождался младенец. Молодая мама, склонившись, держала его крохотную ручку. Собака и кот сидели рядом. Тихая звезда, мерцающая, взшла... Однажды.